

“Ах, война, что ты сделала, подлая...”

Прежде, чем что-либо сказать о Борисе Базаровиче Тубанове, хочется помолчать. Ловлю себя на том, что не успеваю написать то об одном, то о другом хорошем человеке при его жизни. Вот и Борис Базарович не прочтёт эти строки. В октябре 2012-го ему исполнилось бы 75, но уже 6 лет его нет с нами. Это был удивительно талантливый Мастер, педагог макареновского склада и обаятельный человек, умный, скромный, юморной.

Я горжусь почти полувековым знакомством с ним и скорблю о его безвременной кончине. Мне нравилось общаться с Борисом Базаровичем, интересным, эрудированным собеседником и, смею думать, он не тяготился нашими беседами. Это был знаток живописи и музыки, интересовался политикой и литературой, историей, современной педагогикой, эстетикой, шахматами.

Однажды на мой вопрос, как бы он охарактеризовал своё детство, Борис Базарович, горько улыбнувшись, проговорил речитативом, нараспев:

– Ах, зачем я на свет появился,

Ах, зачем меня мать родила.

Это интервью соткано из наших бесед, его коротких заметок, написанных по моей настоятельной просьбе. Здесь нет моих воспоминаний. Хотелось, чтобы читатель услышал его голос, его интонации. Речь пойдёт лишь о детдомовском периоде жизни Бориса Тубанова, до 16 лет. Об остальном, о его работе, характере, очень надеюсь, расскажут коллеги по Малому Куналею и Бичуре, друзья, воспитанники. Это будет наш запоздалый подарок к его юбилею.

– Борис Базарович, начнём с начала. Как вы оказались в детдоме?

– Я родился до войны, в 1937 году в Курумкане. Так случилось, что очень рано я и ещё двое моих братьев остались без родителей. Мама умерла от туберкулёза, отец пропал без вести в 1941 году. Меня с младшим братом Володей отдали «в дети» в разные семьи. Меня взяла женщина, у которой были ещё две дочери. Воспоминания тех лет – всё время хотелось есть и было отчаянное желание учиться. Всё это заставило меня сбежать к старшему брату Василию. Но он, сам подросток, и сдал меня в Курумканский детский дом. Воспитанники в детдомах в основном были эвакуированные, разных национальностей, «дети войны», как тогда говорили. Это был мой первый детдом, а всего угораздило меня жить в пяти детских домах.

Первое, что я помню о Курумканском детдоме, – это выданные мне солдатские кальсоны, которые надел и застегнул пуговицы где-то на груди. Нательная рубашка оказалась, как платье. Вечером лежал на кровати и думал: «Три раза кормят, своя кровать, что ещё надо – не жизнь, а рай». Утром и вечером кормили овсяной кашей, в обед – щи и каша. Мясо в детдомах почти не давали – не было холодильников. Выручил нас тогда Его Величество Байкал. Консервами «мелкий частичек» кормили во всех детдомах – и в супе и на второе.

– Что же произошло дальше?

– К тому времени на шее образовалась какая-то шишка. Решено было отправить меня в санаторный детдом в Улан-Удэ. Прощай, Баргузинская долина, – родина моя. Я уезжал отсюда навсегда. Помню ЗИС-5, монотонно работающий мотор. Дороги раньше были действительно – «эх, дороги!». К вечеру прибыли в Усть-Баргузин, а утром сели на пароход. На Байкале шторм. Меня так укачало! Но всё же выдержал, не выпрыгнул за борт. В Кабанском районе сели на поезд, и я «трупом» доехал на верхней полке до Улан-Удэ. Там пешком от железнодорожной станции через гору на Верхнюю Берёзовку – в санаторный детский дом.

Здесь культурно. Впервые попробовал колбасу, и, вообще, многое было здесь «впервые». Впервые испытал на себе оголённые провода: в процессе изготовления

рогатки мне понадобились эти провода. Меня тогда так шарахнуло, что многие годы боялся электричества. Помню, ужасно боялся, когда к моей кровати подвели электророзетку. Впервые здесь мне сделали «темнушку». У меня их потом было ещё не одна, но первая – самая тяжёлая. «Разве можно так бить человека?», – думал я. Главное, не выбили бы глаза и зубы, а остальное заживёт. В то время я начал немножко рисовать и оформил стенгазету с карикатурами на ребят. Я не знал тогда, что играю с их самолюбием злую шутку. Утром помылся и чувствую: полотенце что-то тяжёлое. Другая сторона была вся в г...е.

– **А что же с той злополучной шишкой на шее?**

– Чтобы лечить её, надо было ездить в город на физиопроцедуры на улицу Куйбышева. Это здание с колоннами и сейчас стоит напротив Гостиных рядов. Машины во всех детдомах были едва живые и то, как правило, одна-единственная. Мы ездили несколько раз в неделю в город на детдомовской лошади. Молодая медсестра запрягала её, и с Верхней Берёзовки ехали туда и обратно.

Как-то едем из города, наслаждаемся хорошей погодой. И вдруг слышим нарастающий гул. Нас обгоняет колонна танков «Т-34»! Для меня, пацана, – это великое зрелище. Наконец, легендарные танки прошли, я посмотрел на медсестру. И не сразу узнал её. Когда только успела накраситься? И зачем мазать такое лицо? Скорее поворачивать оглобли к речке – мыться.

Для нашей молодой медсестры, как понял позже, поездка была целым ритуалом, как выход в люди.

– **Что ещё запомнилось из санаторного детдома?**

– На лето нам из одежды давали одни трусы, и мы чёрные, как негры, бегали, гоняли футбол. Заводилой был Петька Абашеев – будущий Народный артист РСФСР. Он на лето приезжал из Ленинграда, где учился в балетной школе, а его мать работала поваром в детдоме. Это был отличный футболист, просто находка для детдома. Через дорогу как раз было футбольное поле, а дальше – лес.

(Пётр Абашеев – будущий солист балета Бурятского оперного театра. Его бронзовую скульптуру в композиции с женой Ларисой Петровной Сахьяновой, выдающейся балериной, можно увидеть у входа в театр. – **Н.К.**)

Тогда у нас было модно наколки делать. И девочки и пацаны начали клеймить себя, считай, на всю жизнь: «Не забуду мать родную», «С малых лет счастья нет» и так далее.

Но пришло время расстаться и с санаторным детдомом.

– **Куда же теперь?**

– А вот сейчас поймёте. Опять ЗИС-5, на этот раз нагруженный выше кабины чем-то мягким. Едем пять семейских женщин и я с ними. Ехали долго, даже очень долго. Погода хорошая. Дорога – две колеи и ухабы – видны далеко. Шофёр останавливался около речек, заливал водой радиатор. Попутчики мои устроятся на траве, выпьют, закусят, перекурят и дальше. Потом я понял, что мы ехали в Бичуру через Подлопатки. Приехали в Бичурский детдом поздно.

Мне указали кровать. «Темнушка», «велосипед», «балалайка», «аэроплан» – всё это было за одну ночь. «Балалайка» – это когда между пальцами кладут бумагу, намочат керосином и поджигают. «Аэроплан» – верёвкой намертво привяжут к кровати и переворачивают её. Утром лежал и думал: «Проклятый детдом, куда я попал». Наконец, приходит мужик, даёт кое-какую одежду, идём в столовую и я ем положенную манную кашу. Бичурский детдом был в то время, наверное, самый трудный и безобразный во всей Бурятии, это я позже узнал. И здесь жили в основном тоже эвакуированные – эстонцы, латвийцы, украинцы, белорусы. При мне сменилось три директора. Комсомольцев и пионеров не было. Дисциплина была в наших руках. Добрым словом вспоминали Полину Артёмовну Бухольцеву, но её перевели «на укрепление» в Окино-Ключёвский детдом.

Огороды вокруг детдома очень страдали, и поэтому люди приходили и говорили: «Лучше попросите». В самом деле, проползёшь вдоль по грядке, что останется? Страдал и сад колхоза «Красное Знамя труда», что был около леспромхоза.

– Но что-то же скрашивало вашу жизнь? Какие картинки детдомовской жизни ещё отложились в памяти?

– Что мне нравилось в Бичуре, так это семейские песни. Летом молодые девушки в сарафанах брались под руки через всю ширину улицы, шли и пели... Пели всю многокилометровую, тогда Сталинскую, улицу, шли мимо нас до кинотеатра и обратно. Мы – с огородов, а они ещё поют. Со второго этажа детдома далеко видно и слышно – красота! Вот где пропадают незаписанные симфонии – думал потом, когда познакомился с Чайковским, Бородиным, Калининковым, хотя ими много написано-переписано.

– Но какой-то конец всему этому ужасу был?

– Однажды на территорию детдома въезжает новая «Победа», легковая машина. Из неё вышел мужик в тубетейке, сразу видно, – министр. Собрал нас: «Тала-ла, тала-ла», – о наших проделках, и в заключение сказал: «Я вам привёз нового директора». В стороне стоял подтянутый мужчина. Выправка военная. Этот, подумалось, наверное, наведёт порядок, и мы не ошиблись. То был Гавриил Григорьевич Тюрюханов. Он только демобилизовался, после войны служил в Германии. Пока говорил министр, я заметил, что некоторых ребят нет. Я тоже незаметно побежал на крышу. Оказалось, у министра свистнули чемоданчик с харчами. Мы тогда вкусно покушали и даже выпили.

Дальше стали жить с новым директором. Пройдя четыре детдома, я встретил одного настоящего педагога – это Гавриил Григорьевич Тюрюханов. Молодой, энергичный, он тогда много сделал для укрепления порядка и дисциплины. В детдом поступили на работу молодые девушки. Мужиков убрали – перестали давать подзатыльники. А вот и первый праздник – купили два велосипеда. Один большой, другой маленький. Катались вокруг детдома и ... столкнулись на углу. Большой ничего, но маленький!!!

А однажды Гавриил Григорьевич привёз из города пианино, металлический бильярд и радиоприёмник. Появился спортивный инвентарь. Жить стало веселее. Устраивали соревнования, походы. Столько походов было у меня, – не сосчитать! Дальние, ближние, однодневные, многодневные. Со сборной района ходил из Бичуры в Кяхту, из Бичуры в Улан-Удэ.

5 марта 1953 года умер Сталин. Какие мощные стихи читали по радио, и пять дней звучала музыка великих композиторов. Девочки плакали, ну, а мы всё спорили, кто будет вождём. И решили: или Будённый или Ворошилов.

Сейчас из детдома убегают, а раньше нас, наоборот, выгоняли. Меня дважды выгоняли, и однажды меня поймал Гавриил Григорьевич. «Я из тебя человека сделаю!», – гремел он. Когда Гавриил Григорьевич злой, он становился совсем другим – лучше на него не смотреть. До самой смерти он меня воспитывал.

– Ваш следующий детдом – в Малом Куналее?

– Однажды ночью сгорела начальная школа. Она стояла на месте сегодняшней Бичурской средней № 1. В темноте казалось, что горит вся Тюрюхановка – такое страшное было зрелище. Тогда решили отдать здание детдома под школу.

– Его в пятьдесят четвёртом, после пожара, вернули под школу. Сталинская школа работала ещё до войны, была начальной, семилетней. Потом стала детдомом, третьим в районе. Первым был Малокуналейский, вторым – Окино-Ключёвский.

– Тогда нас раскидали по детдомам, я оказался в Куналее. Господи, куда я попал? Не пугайтесь. Детдом был весь в зелени! Сквер, в центре большая чаша с цветами, по краям сквера две скульптуры пионеров – один с горном, другой с барабаном. Идёшь налево по дорожке – старшая группа, направо – младшая, как мы звали их, – «шакалы». Потом из этих «шакалов» вышло несколько кандидатов наук. В этом детдоме я мало прожил, больше проработал, самое главное, – почему-то особенно запомнились походы. Я обожал ходить на речку, в лес.

– **Все, кто знает вас близко, говорят: так любить природу, как вы, могут немногие.**

– Не знаю, но одно из моих увлечений – рыбалка. И не только добычи ради. На реке так хорошо думается. Там рождаются сюжеты моих работ, разных по технике: живописных, прикладных – резьба по дереву, выпиливание, работы по металлу. Вспоминаешь сейчас, как мы, детдомовцы, на омуте бросали запекаться в кучу костра картошку, а сами разбредались в поисках съедобного. В памяти сохранились и запахи детства – речки, леса. Природа тогда была совсем другой – спокойной, мягкой, с запахами свежей травы, росы, дождя, деревьев.

Мы все восхищаемся нашей удивительной тайгой и думаем, что лучше её нет. Но вот как-то в детдоме я познакомился с книгой Владимира Арсеньева «Дерсу Узала». Появилась мечта – увидеть уссурийскую тайгу. И судьба словно прочитала мои мысли: служить я попал в город Уссурийск.

Как-то старшина говорит: «Поедешь в тайгу, будете прорубать просеку для связи». На речке Тигровая мы прорубали эту просеку. Чтобы понять тайгу, надо пешком пройти хотя бы километр, чтобы проникнуться её красотой и мощью. И тогда понимаешь, что природа – наш высший воспитатель.

– **Борис Базарович, вас одинаково легко можно представить как с кистью художника, так и с аккордеоном.**

– Я в своё время поступил в музыкальное училище имени Петра Ильича Чайковского. По материальным причинам пришлось бросить учёбу, буквально оторвать себя от училища. Но от музыки оторваться не смог. Вспоминаю концерты, смотры самодеятельности в Бичуре, Малом Куналее, когда сам ещё был детдомовцем.

– **Можно подробнее?**

– Одно лето было для нас особенно беспокойным – через несколько дней должен был состояться республиканский смотр художественной самодеятельности детских домов. Подготовка к нему шла полным ходом. Особенно суетился наш шофёр. То из-под машины, то неизвестно откуда раздавалось его неизменное пение: «Зачем нарушил мой покой?». Машина совсем старая, поэтому хлопот с ней хватало. Художественным руководителем у нас был Рустэм (так мы его звали) Рафаилович с ярко выраженным цыганским лицом.

И вот настал день выезда на смотр. Ребятишки забрались в кузов. Сидящие впереди предупреждали об ухабах. Наконец мы в Улан-Удэ. Я сейчас уже не помню, где выступали, но не в оперном. В театре было тихо и торжественно. Вдруг смотрю – на сцене Петька Абашеев топчется. «Ты что здесь делаешь?». – «Привёз санаторный детдом», – радостно улыбаясь, ответил он.

Я аккомпанировал двум девчонкам. До сих пор помню слова песни:

Занялася заря расписная,

Выхожу за околицу я,

С добрым утром, сторонка родная,

Дорогая Отчизна моя.

У нас было искреннее чувство любви к Родине, большой и малой. Мы эту песню долго репетировали. За её исполнение, помню, дали роскошные для того времени цветные карандаши и альбом для рисования. Где-то недели две берёг, потом их украли. Ну, а после концерта жизнь опять вошла в обычное русло. Однако в масштабе детдома мы стали как бы «деятелями культуры».

– **Борис Базарович, вы упоминали то о четырёх, то о пяти детдомах.**

– Однажды (я жил ещё в Малом Куналее) меня разбудили в четыре утра и вместе с другими повезли в город. Ремесленное училище № 1 стало для меня пятым детдомом. Это было самое страшное. Там собрали переростков из всех детдомов. Но учёба прошла быстро, потому что учиться было интересно. Получил профессию слесаря-сборщика, работал на авиазаводе. Между прочим, здесь мне очень нравилось. В училище я научился работать руками. (Трудовую книжку Борису Тубанову выдали на авиазаводе, тогда

номерном заводе № 99. За два года, к семнадцати годам, он получил профессию, аттестат и строгое предписание, зафиксированное в первой записи трудовой книжки, о том, что он, цитирую, «считается мобилизованным на основании Приказа (так в документе – **Н.К.**) Верховного Совета СССР от 2 февраля 1940 г. на срок с 7 июля 1956 года по 7 июля 1960 года». В преддверии войны правительство для укрепления обороноспособности страны озаботилось созданием трудовых ресурсов. 2 октября 1940 года был опубликован Указ о создании ремесленных училищ и школ ФЗО с упомянутым выше предписанием для обучающихся – отработать 4 года. – **Н.К.**)

– **Однако, указ о мобилизации и обязательной отработке был аннулирован в 1958 году.**

– Я в этом же году уволился по собственному желанию и был принят в Малокуналейский детдом руководителем кружков.

– **Борис Базарович, поставим здесь в вашей биографии если не точку, то запятую. Подведите черту своей детдомовской эпохее.**

– Да, прощай, детский дом. На прощание нас напутствовали словами: «Живите честно». Забвение этого напутствия многих и подвело – «загремели кандалами». Неприспособленность к жизни, доверчивость в сочетании с обидой на судьбу, порой агрессивность – вот черты моего поколения. Может, не поколения, но многих и многих, не сумевших адаптироваться в бурном море самостоятельной жизни.

– **Тогда кто же и что воспитало вас?**

– В нас вложили душу **настоящие** учителя и воспитатели. Мы слушали Левитана, сводки Совинформбюро, знали имена Зои Космодемьянской, и Александра Матросова. В школах давали Пушкина, Толстого, Некрасова. По радио звучала музыка великих композиторов. В коридорах школ – картины Третьяковки. Мы вдохновенно пели патриотические песни. «Широка страна моя родная», – такие песни пели с неподдельным патриотизмом. «Я рождён в Советском Союзе, – поёт Газманов. – Вырос я в СССР». Что тут добавить? Мы дети своего времени со всеми его достоинствами и недостатками. Сегодняшний же день, это, по-моему, – полная духовная дистрофия.

А детский дом... Я всегда волнуюсь, когда говорят эти слова. Я благодарен детскому дому, было очень много хорошего и плохого хватало. Но там я разучился плакать.

Беседовала Нелли Коробенкова